

КАРЛ ГУСТАВ

ЮНГ

ФЕНОМЕН САМОСТИ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Карл Юнг

Феномен самости

«Издательство АСТ»

1971

УДК 1(091)(494)
ББК 87.3(4Шва)

Юнг К. Г.

Феномен самости / К. Г. Юнг — «Издательство АСТ»,
1971 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-121659-7

«Исследования феноменологии самости» – одна из самых необычных работ в научном наследии Юнга, находящаяся на стыке философии, психоанализа, культурологии и религии. Великий ученый обращается в ней к символическому представлению психической целостности, идеальным историческим примером которой, согласно его теории, является Иисус Христос. Эта идея позволяет Юнгу исследовать многогранный смысл раннехристианского символа Спасителя – Рыбы, философию дихотомии образов Христа и Антихриста. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 1(091)(494)

ББК 87.3(4Шва)

ISBN 978-5-17-121659-7

© Юнг К. Г., 1971
© Издательство АСТ, 1971

Содержание

Предисловие	5
I. Эго	7
II. Тень	10
III. Сизигия: анима и анимус	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Карл Густав Юнг

Феномен самости

И случилось это, говорят они, дабы Иисус мог стать первой жертвой при разделении составных природ.
Hippolytus, Elenchos, VII, 27, 8

Предисловие

В настоящий том (том VIII *Psychologische Abhandlungen*) я включаю две работы, которые, несмотря на их внешние и внутренние различия, должны находиться рядом, ибо обе посвящены основной теме данной книги, а именно идее Эона (греч. *Aion*). Если работа моей сотрудницы, доктора Марии-Луизы фон Франц, описывает психологический переход от Античности к христианству посредством анализа «Страстей св. Перпетуи», то мое собственное исследование призвано с помощью христианских, гностических и алхимических символов самости пролить свет на изменение психической ситуации в рамках «христианского эона». С самого начала христианская традиция не только насыщена персидскими и иудейскими представлениями о начале и конце времен, но также изобилует намеками на своего рода энантиодромическую инверсию доминант. Под этим я подразумеваю дилемму Христа и Антихриста. Вероятно, на большинство исторических суждений о времени и его пределах оказали влияние астрологические идеи, о чем свидетельствует Апокалипсис. Таким образом, вполне естественно, что мои размышления вращаются главным образом вокруг символа *Рыб*, ибо эон Рыб синхронистически сопутствует двухтысячелетнему развитию христианства. Данный период не только явился свидетелем прогрессивной символической амплификации и, следовательно, психологической ассимиляции фигуры Антропоса («Сына Человеческого»), но и принес с собой изменения в человеческой установке, которые уже были предвосхищены в древних текстах ожиданием Антихриста. Поскольку эти тексты относят приход Антихриста к концу времен, можно говорить о «христианском эоне», который, как предполагается, должен завершиться Вторым Пришествием. Судя по всему, подобное ожидание совпадает с астрологическим понятием «платоновского месяца» Рыб.

Мое предложение обсудить данные исторические вопросы обусловлено тем фактом, что архетипический образ целостности, столь часто возникающий в продуктах бессознательного, имеет своих предшественников. Уже очень рано их стали отождествлять с фигурой Христа, как я показал в своей книге «Психология и алхимия» (глава 5). Мои читатели так часто просили меня рассмотреть связи, существующие между традиционной фигурой Христа и естественными символами целостности, что я в конце концов решил взяться за эту задачу. Учитывая особые сложности подобного предприятия, такое решение далось мне нелегко, ибо, чтобы преодолеть все препятствия и избежать возможных ошибок, требуются знания и осторожность, которыми, к сожалению, я обладаю лишь в ограниченной степени. Я более или менее уверен в своем анализе эмпирического материала, но в полной мере осознаю тот риск, которому подвергаюсь, привлекая в свои рассуждения свидетельства истории. Полагаю, я также сознаю ответственность, которую беру на себя, когда, продолжая исторический процесс ассимиляции, добавляю к многочисленным символическим амплификациям фигуры Христа еще одну, психологическую, или даже свожу символ Христа к психологическому образу целостности. Однако мой читатель не должен забывать, что я пишу не тенденциозный трактат: скорее, я рассматриваю то, как некоторые вещи могут быть осмыслены с точки зрения нашего современного сознания, – вещи, понять которые, как мне кажется, крайне важно и которым явно грозит

опасность сгнуться во мраке непонимания и забвения; вещи, которые помогли бы нам в значительной степени излечиться от философской дезориентации, пролив свет на психический фон и потайные уголки души. Суть этой книги складывалась постепенно, в течение многих лет, в ходе бесчисленных бесед с людьми всех возрастов, профессий и слоев общества; с людьми, которые в условиях нашего смятенного и лишено корней общества вполне могли утратить всякую связь со смыслом европейской культуры и впасть в состояние внушаемости, каковое есть главный повод и причина утопических массовых психозов нашего времени.

Я пишу не как прозелит, но как врач, с присущим врачу чувством ответственности. Не пишу я и как ученый; в противном случае я благоразумно забаррикадировался бы за безопасной стеной своей специализации и, в силу своих недостаточных познаний в истории, не подвергал бы себя нападкам критиков, рискуя запятнать свою научную репутацию. Насколько мне это позволили мои силы, ограниченные преклонным возрастом и болезнью, я приложил все старания, дабы подкрепить свои материалы и выводы как можно более надежными документальными источниками.

*К. Г. Юнг
Май 1950 г.*

I. Эго

¹ В ходе исследования психологии бессознательного я столкнулся с фактами, потребовавшими формулирования новых понятий. Одно из таких понятий – *самость*. Данная структура отнюдь не призвана занять место другого комплекса, известного под названием *эго*, но включает его в себя как понятие супраординатное. Под *эго* мы понимаем комплексный фактор, с которым соотносятся все сознательные содержания и который образует центр поля сознания. Поскольку последнее вмещает в себя эмпирическую личность, *эго* выступает субъектом всех личностных актов сознания. Связь некоего психического содержания с *эго* образует критерий его осознанности, ибо ни одно такое содержание не может стать осознанным, пока не будет представлено субъекту.

² Вышеприведенное определение позволяет описать и определить *охват* субъекта. Теоретически поле сознания не может быть ограничено теми или иными рамками, ибо способно к неограниченному расширению. С эмпирической точки зрения, однако, оно всегда обнаруживает некий предел, когда сталкивается с *неизвестным*. Неизвестное состоит из всего непознанного и, следовательно, не связанного с *эго* как центром поля сознания. Неизвестное распадается на две группы объектов: те, что находятся вовне и могут быть восприняты органами чувств, и те, что находятся внутри и переживаются непосредственно. Первая группа включает неизвестное во внешнем мире, вторая – неизвестное в мире внутреннем. Последнее мы называем *бессознательным*.

³ Как специфическое содержание сознания *эго* представляет собой не простой или элементарный, но комплексный фактор, который как таковой не поддается исчерпывающему описанию. Опыт показывает, что он зиждется на двух, внешне различных базисах: *соматическом* и *психическом*. Соматическая основа выводится из целокупности эндосоматических ощущений, которые, в свою очередь, уже обладают психической природой и ассоциированы с *эго*, а значит, являются сознательными. Эндосоматические ощущения генерируют эндосоматические раздражители, из которых лишь немногие способны преодолеть порог сознания. Значительная часть этих раздражителей действует на бессознательном уровне, то есть сублиминально. Сама по себе сублиминальность (подпороговость) не обязательно означает, что они носят исключительно физиологический характер; в этом плане они не отличаются от любого психического содержания. Иногда они преодолевают порог и поддаются непосредственному восприятию. Однако большая часть этих эндосоматических раздражителей, без сомнения, не может быть осознана и настолько элементарна, что нет никаких оснований наделять их психической природой – если, конечно, не разделять философскую точку зрения, согласно которой все жизненные процессы так или иначе являются психическими. Главный аргумент против данной едва ли доказуемой гипотезы заключается в том, что она предполагает неограниченное расширение понятия психики, а также интерпретирует жизненный процесс с позиций, должным образом не подкрепленных фактами. Чересчур широкие концепции обычно оказываются непригодными, ибо слишком расплывчаты и туманны. По этой причине я предложил использовать термин «психический» только в тех случаях, когда очевидно присутствие воли, способной модифицировать рефлексy или инстинктивные процессы. Здесь я вынужден отослать читателя к моей работе «О природе психе»¹, где дефиниция «психического» обсуждается более подробно.

⁴ Таким образом, соматическая основа *эго* состоит из сознательных и бессознательных факторов. То же справедливо и в отношении психической основы: с одной стороны, *эго* базируется на *целокупном поле сознания*, с другой – на *совокупности бессознательных содержаний*.

¹ См. «О природе психе».

Последние распадаются на три группы: во-первых, временно сублиминальные содержания, которые могут быть воспроизведены произвольно (память); во-вторых, бессознательные содержания, не поддающиеся произвольному воспроизведению; и в-третьих, содержания, которые вообще не могут стать сознательными. На существование второй группы указывает спонтанный прорыв сублиминальных содержаний в сознание. Третья группа носит гипотетический характер; она представляет собой логический вывод из фактов, лежащих в основе второй группы. В нее входят содержания, которые либо *еще не* прорвались внутрь сознания, либо не прорвутся в него никогда.

⁵ Когда я говорю, что эго «зидется» на целокупном поле сознания, я не имею в виду, что оно *состоит* из него. Будь оно так, эго было бы невозможно отличить от поля сознания как целого. Эго – лишь отправная точка поля сознания, основанная на описанном выше соматическом факторе и ограниченная им.

⁶ Хотя как таковые его основы относительно неизвестны и бессознательны, эго есть сознательный фактор *par excellence*. С эмпирической точки зрения оно приобретается в течение жизни индивида. По всей видимости, эго впервые возникает из коллизии соматического фактора с окружающей средой и, однажды став субъектом, продолжает развиваться в дальнейших столкновениях с внешним и внутренним миром.

⁷ Несмотря на неограниченную протяженность своих основ, эго никогда не бывает ни больше, ни меньше сознания в целом. Как сознательный фактор, эго, по крайней мере теоретически, поддается исчерпывающему описанию. Последнее, однако, всегда будет представлять собой не более чем набросок *сознательной личности*, лишенный всех черт, неизвестных субъекту или им не осознаваемых. Полная картина, напротив, должна включать и их. Впрочем, полное описание личности, даже в теории, абсолютно невозможно, ибо ее бессознательная часть недоступна познанию. Эту бессознательную часть, как показывает опыт, ни в коем случае нельзя считать несущественной. Наоборот, наиболее значимые качества человека часто носят бессознательный характер и могут быть восприняты только окружающими, либо обнаружены с большим трудом при активном содействии извне.

⁸ Таким образом, личность как целокупный феномен не совпадает с эго, т. е. с сознательной личностью, но образует сущность, которую необходимо отличать от эго. Естественно, потребность в этом присуща только психологии, признающей сам факт существования бессознательного; для такой психологии подобное различие имеет первостепенное значение. Даже в юриспруденции немаловажно, осознаны или не осознаны определенные психические факты – например, при установлении степени ответственности.

⁹ Целокупную личность, которая, хотя и присутствует, не может быть познана до конца, я предложил называть самостью. Эго, по определению, подчинено самости и относится к ней как часть к целому. Внутри поля сознания оно, как мы уже сказали, обладает свободой воли. Под этим я подразумеваю не что-либо философское, а всего лишь хорошо известный психологический факт «свободного выбора», или, точнее, субъективное ощущение свободы. Однако, как только наша свободная воля сталкивается с требованиями внешнего мира, она обнаруживает свои пределы и вне поля сознания, в субъективном внутреннем мире, где вступает в конфликт с фактами самости. Как обстоятельства или внешние события «случаются» с нами и ограничивают нашу свободу, так и самость ведет себя с эго как *объективная данность*, которая практически не поддается изменениям посредством свободной воли. В самом деле, хорошо известно, что эго не только бессильно против самости, но иногда даже ассимилируется бессознательными компонентами личности, пребывающими в процессе развития, и сильно изменяется под их воздействием.

¹⁰ В силу самой природы рассматриваемого предмета, никакое другое общее описание эго, за исключением формального, невозможно. Любой другой способ наблюдения предпола-

гает учет *индивидуальности*, присущей эго в качестве одной из его главных характеристик. Хотя многочисленные элементы, составляющие данный комплексный фактор, сами по себе всюду одинаковы, они представлены бесконечными вариациями с точки зрения ясности, эмоциональной окрашенности и широты охвата. Таким образом, результат их сочетания, т. е. эго, насколько мы можем судить, индивидуален и уникален. Его стабильность относительна, поскольку иногда с личностью происходят глубокие трансформации. Изменения такого рода не обязательно являются патологическими; они могут сопутствовать развитию и, следовательно, не выходить за рамки нормы.

¹¹ Поскольку эго выступает отправной точкой для поля сознания, оно является субъектом всех успешных попыток адаптации до тех пор, пока последние достигаются волей. Таким образом, эго играет значимую роль в психической экономии. Его позиция в ней настолько важна, что есть веские основания полагать, будто эго является центром личности, а поле сознания есть психика *per se*. Если отбросить определенные идеи, встречающиеся у Лейбница, Канта, Шеллинга и Шопенгауэра, а также философские размышления Каруса и фон Гартманна, то мы увидим, что лишь в конце XIX века современная психология с ее индуктивными методами открыла основы сознания и эмпирически доказала существование психики за его пределами. В результате этого открытия прежде абсолютная позиция эго подверглась релятивизации; другими словами, хотя эго и осталось центром поля сознания, сомнительно, чтобы оно выступало центром личности. Эго – часть личности, но не вся личность целиком. Как я уже говорил, оценить, насколько велика или мала его доля, насколько оно свободно или зависимо от свойств этой «внесознательной» психики, невозможно. Мы можем лишь сказать, что его свобода ограничена, а его зависимость подтверждается весьма убедительными доказательствами. По моему опыту, не следует недооценивать зависимость эго от бессознательного. Разумеется, нет необходимости напоминать об этом тем, кто и без того переоценивает важность последнего. Определенным критерием надлежащей меры служат психические последствия неверной оценки, к чему мы еще вернемся позже.

¹² Мы видели, что с точки зрения психологии сознания содержания бессознательного можно разделить на три группы. Однако с точки зрения психологии личности их следует разделить на две группы: «внесознательную» психику, содержания которой имеют личностную природу, и «внесознательную» психику, содержания которой имеют безличную и коллективную природу. Первая группа включает содержания, которые представляют собой неотъемлемые компоненты индивидуальной личности, а значит, вполне могут быть осознаны; вторая группа образует всепроникающее, неизменное и повсюду идентичное *качество* или *субстрат психики per se*. Разумеется, это не более чем гипотеза. Тем не менее она подкрепляется особой природой эмпирического материала, не говоря уже о высокой вероятности того, что общее сходство психических процессов у всех индивидов должно базироваться на столь же общем и безличном начале, равносильном закону, – так манифестация инстинкта у отдельного человека есть лишь частичная манифестация инстинктивного субстрата, общего для всех людей.

II. Тень

¹³ Если содержания личного бессознательного приобретаются на протяжении жизни индивида, содержания коллективного бессознательного неизменно представляют собой архетипы, присутствующие в нем изначально. Их связь с инстинктами я рассматриваю в других своих работах². С эмпирической точки зрения наиболее полно можно характеризовать те архетипы, которые оказывают самое частое и возмущающее воздействие на эго. Это *тьень*, *анима* и *анимус*³. Наиболее доступной для переживания является тень, ибо ее природу в значительной мере можно вывести из содержаний личного бессознательного. Единственным исключением из этого правила являются те довольно редкие случаи, когда положительные качества личности подавляются, и эго, как следствие, играет преимущественно негативную или неблагоприятную роль.

¹⁴ Тень – нравственная проблема, бросающая вызов всей эго-личности, ибо никто не в силах осознать тень, не приложив к этому серьезных нравственных усилий. Осознание тени предполагает признание существования и реальности темных аспектов личности. Данный акт является неотъемлемым условием самопознания любого рода и, как правило, сталкивается с сильным сопротивлением. В самом деле, самопознание как психотерапевтическая мера часто требует тяжелого труда в течение длительного периода времени.

¹⁵ Более пристальное изучение темных характеристик – иными словами, низших качеств, составляющих тень, – показывает, что они обладают *эмоциональной* природой, своеобразной автономией и, соответственно, обсессивным или, точнее, посессивным свойством. В частности, эмоция – это не деятельность индивида, а нечто, что случается с ним само собой. Аффекты обычно наблюдаются там, где адаптация слабее всего; в то же время они раскрывают причину ее слабости, а именно определенную степень ущербности и существование более низкого уровня личности. На этом уровне, с его неконтролируемыми или едва контролируемыми эмоциями, человек ведет себя более или менее как дикарь, который не только выступает пассивной жертвой своих аффектов, но и полностью неспособен к моральным суждениям.

¹⁶ Хотя благодаря инсайту и доброй воле тень может в некоторой степени ассимилироваться в сознательную личность, опыт показывает, что существуют определенные черты, оказывающие самое упорное сопротивление моральному контролю и практически не поддающиеся влиянию. Подобное сопротивление обычно связано с *проекциями*, которые не воспринимаются как таковые; их распознавание – великое нравственное достижение. Тогда как некоторые черты, присущие тени, без особого труда могут быть распознаны как собственные личностные качества, в данном случае и инсайт, и добрая воля бесполезны, ибо причина эмоции заключена, вне всякого сомнения, в *другом человеке*. Насколько бы очевидными ни были эти проекции для стороннего наблюдателя, не стоит надеяться, что субъект заметит их сам. Прежде чем человек пожелает снять эмоционально окрашенные проекции с их объекта, его в первую очередь необходимо убедить в том, что он отбрасывает очень длинную тень.

¹⁷ Предположим, некий индивид не проявляет желания признавать свои проекции. В таком случае порождающий проекции фактор обретает свободу и может достичь своей цели, если таковая у него имеется, или спровоцировать иную ситуацию, характеризующую его могущество. Как известно, проецирование осуществляется не сознательным, а бессознательным

² «Инстинкт и бессознательное», «О природе психе».

³ Содержание этой и следующей глав заимствовано из лекции, прочитанной мной в 1948 году Швейцарскому обществу практической психологии (Цюрих). Впервые материал был опубликован в журнале «Wiener Zeitschrift für Nervenheilkunde und deren Grenzgebiete», I/4 (1948).

субъектом. Следовательно, человек сталкивается с уже готовыми проекциями, а не создает их. Результатом проекций является изоляция субъекта от его окружения, ибо реальная связь с ним уступает место иллюзорной. Проекции превращают мир в копию собственного лица человека, ему неизвестного. В конечном итоге они ведут к аутоэротичному или аутистическому состоянию, при котором человек грезит о мире, реальность которого навсегда остается недостижимой. Результирующее *sentiment d'incomplétude* и еще более неприятное ощущение стерильности, в свою очередь, объясняются проекцией как злонамеренность окружающей среды; данный порочный круг еще больше усиливает изоляцию. Чем больше проекций отделяют субъект от его окружения, тем труднее это видеть сквозь свои иллюзии. Один сорокапятилетний пациент, страдавший неврозом навязчивых состояний с двадцати лет, однажды сказал мне: «Не могу же я признаться себе, что зря потратил лучшие двадцать пять лет жизни!»

¹⁸ Грустно наблюдать, как человек портит жизнь себе и другим, но при этом совершенно неспособен понять, что источник трагедии, которую он постоянно подпитывает и поддерживает, кроется в нем самом. Не *сознательно*, разумеется, ибо сознание его занято сетованиями и проклятиями в адрес вероломного мира, отодвигающегося все дальше и дальше. Скорее, иллюзии, заслоняющие собой мир, плетет некий бессознательный фактор. В действительности он плетет кокон, который в итоге полностью окутает человека.

¹⁹ Можно предположить, что подобные проекции, которые так трудно или даже вообще невозможно устранить, принадлежат царству тени, т. е. отрицательной стороне личности. Однако в определенный момент данное допущение становится несостоятельным, поскольку возникающие символы относятся теперь к противоположному полу: у мужчины к женщине, и наоборот. Источником проекций выступает уже не тень, всегда имеющая тот же пол, что и субъект, а фигура противоположного пола. Здесь мы сталкиваемся с анимусом женщины и анимой мужчины – двумя соответственными архетипами, чьи автономия и бессознательность объясняют устойчивость их проекций. Хотя тень представляет собой мотив, известный в мифологии не менее, чем анима и анимус, она репрезентирует прежде всего личное бессознательное, а потому ее содержание без особых затруднений поддается осознанию. В этом отношении тень отличается от анимы и анимуса, ибо если тень распознается с легкостью, то анима и анимус находятся гораздо дальше от сознания и в нормальных условиях осознаются крайне редко (если осознаются вообще). Тень можно обнаружить посредством самокритики до тех пор, пока ее природа личностна. Но когда она предстает как архетип, возникают те же трудности, что и в случае с анимой и анимусом. Другими словами, человек вполне способен признать относительное зло своей природы, однако попытки взглянуть в лицо абсолютного зла – опыт редкий и зачастую разрушительный.

III. Сизигия: анима и анимус

²⁰ Что же представляет собой фактор, создающий проекции? На Востоке его называют «пряхой»⁴ – *Maṇu*, своим танцем порождающей иллюзию. Даже если бы мы ничего не знали о ней из символики сновидений, этот намек с Востока навел бы нас на верный след: окутывающий, всеобъемлющий и поглощающий элемент явно указывает на мать⁵, то есть на отношение сына к реальной матери, к ее имаго, и к женщине, которая должна стать для него матерью. Его Эрос пассивен как у ребенка: он надеется быть пойманным, втянутым внутрь, окутанным и поглощенным. В действительности он стремится в защищающий, питающий, зачарованный круг матери, к состоянию младенца, избавленного от всех тревог, в котором внешний мир заботливо склоняется над ним и даже вынуждает испытывать счастье. Неудивительно, что реальный мир исчезает из поля зрения!

²¹ Если эта ситуация драматизируется (а бессознательное, как правило, драматизирует ее), то на психологической сцене появляется человек, живущий регрессивно, стремящийся вернуться в детство, к матери, бегущий от холодного жестокого мира, который его не понимает. Нередко рядом с ним появляется и мать, которая, по всей видимости, отнюдь не заинтересована в том, чтобы ее сын стал мужчиной, но которая, прилагая неустанные и самоотверженные усилия, не пренебрегает ничем, что может помешать ему повзрослеть и жениться. Мы видим тайный сговор между матерью и сыном, в рамках которого один помогает другому обмануть жизнь.

²² На ком же лежит основная вина – на матери или сыне? Вероятно, на обоих. Неудовлетворенную тоску сына по жизни и миру следует принимать всерьез. Он жаждет соприкоснуться с реальностью, заключить в объятия землю и заставить поле мира приносить плоды. Однако он предпринимает лишь несколько судорожных попыток, ибо и его инициатива, и стойкость подорваны тайной памятью о том, что мир и счастье можно получить как подарок от матери. Тот фрагмент мира, с которым он, как всякий человек, вынужден сталкиваться снова и снова, всегда оказывается для него не тем, поскольку не дается ему в руки сам собой, не бежит навстречу, но сопротивляется, желает, чтобы его завоевывали, и подчиняется только силе. Он предъявляет требования к маскулинности мужчины, к его пылу и рвению и, прежде всего, к его смелости и решимости, когда дело доходит до того, чтобы бросить на чашу весов само его бытие. Для этого мужчине требуется вероломный Эрос – такой, который способен забыть свою мать и отступить от первой любви своей жизни. Мать, предвидя такую опасность, старательно прививала ему добродетели верности, преданности, лояльности, дабы защитить его от риска морального разложения, сопутствующего жизненным перипетиям. Он слишком хорошо усвоил эти уроки и остается верен матери. Это естественным образом вызывает у нее глубочайшую тревогу (когда, например, он оказывается гомосексуальным), но в то же время приносит бессознательное удовлетворение явно мифологического свойства. Ибо в нынешних отношениях между ними реализуется извечный и самый священный архетип брака матери и сына. В конце концов, что эта прозаичная действительность, с ее загсами, конвертами с зарплатой и ежемесячными взносами за жилье, может предложить такого, что смогло бы перевесить мистический трепет *hieros gamos*? Или увенчанной звездами девы, которую преследует дракон? Или благочестивых потемок, скрывающих брак Агнца?

⁴ Erwin Rousselle, «Seelische Führung im lebenden Taoismus», Pl. I, стр. 150, 170. Руссель называет пряху «животной душой». Я определил аниму как персонификацию бессознательного.

⁵ Здесь и далее слово «мать» употребляется не в буквальном смысле, а как символ всего того, что выполняет функцию матери.

²³ Данный миф лучше, чем любой другой, иллюстрирует природу коллективного бессознательного. На этом уровне мать одновременно стара и молода, она – и Деметра, и Персефона, а сын – супруг и спящий младенец, слитые воедино. Несовершенства реальной жизни с ее трудностями адаптации и многочисленными разочарованиями, разумеется, не могут соперничать с подобным состоянием неопишуемой полноты и удовлетворения.

²⁴ В случае сына фактор, порождающий проекции, идентичен материнскому имаго, который, следовательно, воспринимается как реальная мать. Проекция может быть устранена лишь тогда, когда сын увидит, что в царстве его психики присутствует образ не только матери, но и дочери, сестры, возлюбленной, небесной богини и хтонической Баубо. Каждая мать и каждая возлюбленная вынуждены становиться носителем и воплощением этого вездесущего и вечного образа, который соответствует глубинной реальности в мужчине. Данный губительный образ Женщины принадлежит ему; она представляет собой ту верность, от которой, в интересах жизни, он иногда должен отказаться; она – столь необходимая компенсация за риски, трудности и жертвы, кои неизменно завершаются разочарованием; она – утешение за всю горечь жизни. В то же время она – великая фокусница и соблазнительница, которая вовлекает его в жизнь, причем не только в ее разумные и полезные аспекты, но и в ее пугающие парадоксы и двусмысленности, где добро и зло, успех и крах, надежда и отчаяние уравнивают друг друга. Поскольку она представляет для мужчины величайшую опасность, то и требует от него наибольшего, на что он способен; и, если оно в нем есть, она это получит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.